

И. С. ЛУКАШ

Со старинной полки

Иван Лукаш

Медведь святого Серафима

«Public Domain»

1940

Лукаш И. С.

Медведь святого Серафима / И. С. Лукаш — «Public Domain»,
1940 — (Со старинной полки)

«...В траве идут двое. Идет старый монашек, согбенный днями. Белеет его холщовый подрясник и скуфья. В тонком сумраке сквозит морщинистое, с голубыми глазами, лицо. Светит на нем неземная нетронутость, небесная тишина. Такая целомудренная нетронутость бывает на лицах старых русских мужиков. Все лесные звуки, свет и молчание как бы запечатлены на лице старого монашка. А с ним медведь. Рука монаха на загривке медведя. Над жесткой шерстью вьется холодный дым...»

Иван Созонтович Лукаш

Медведь святого Серафима

В лесу вечерний туман. Лес замер таинственно, точно слушает. В траве идут двое. Идет старый монашек, согбенный днями. Белеет его холщовый подрясник и скуфья. В тонком сумраке сквозит морщинистое, с голубыми глазами, лицо. Светит на нем неземная нетронутость, небесная тишина. Такая целомудренная нетронутость бывает на лицах старых русских мужиков. Все лесные звуки, свет и молчание как бы запечатлены на лице старого монашка.

А с ним медведь.

Рука монаха на загривке медведя. Над жесткой шерстью вьется холодный дым.

Медведь выступает бесшумно и мягко, его узкие лапы в росе. Темно-бурая шерсть на груди, сбитая клочьями, потемнела от мокрой травы. Зверь дышит сильно, в тумане огромная влажная голова.

Там, где потрепанный, набравший воды лапоток монаха хрустнет валежником, пройдет легко, не коснувшись, когтистая лапа медведя. Свежестью, кислым холодом веет палый лист. Листва сотрясается, облетает, точно тихо рушится стена красноватой меди.

В чаше есть серый камень. Над ним прилажены две липовые доски, чтобы ночной ветер не задул свечи. Монашек станет на колени, на камень, затеплит обительскую свечу, и слышен его простой, озябший голос:

– Давай, брат, помолимся за всех и за вся...

Голос пройдет от листа к листу, облетающему в сумраке.

Волк наострит уши, станет на задние ноги, а ноги дрожат, серые, сильные, с перебитыми жилистыми сгибами, где посинела кожа от охотничьей дробы.

Птица встрепенется, откроет глаз, полузатянутый пленкой.

Березки, желтые, прозрачные, и в темноте светятся легким золотом. Каждый листок дрожит, дрожат и осины, уже почерневшие от заморозков, терпкие, и орешины. По дубам, высоко, пройдет шум.

Зайчишка, вылетевший в поваленные, недокошенные овсы, перевернется, закинет уши, зажмурится. Тоже услышал:

– Давай, брат, помолимся...

И ворон, прыгающий на одной ноге по колючему жнивью, захлопает в черные крылья.

Далеко у реки скрипят обозы – в Москву ли, в Питер. Кони и возчики в изморози. Кто-то снимает шапки, рукавицы и крестится: первая звезда засияла над темным бором, и точно дохнуло оттуда нечаянное тепло.

В городах барабан простучал вечернюю зорю. Во дворе казармы выстроены солдаты в неуклюжих серых шинелях, у всех серые бескозырки в руке. Солдаты поют «Отче наш».

В темном остроге, у окна, под каменным сводом, стоит арестант. Лицо тонкое, птичье, светится в сумраке, и звякает цепь. Арестант сам не знает, что тронуло, пошевелило теплом сердце – первая ли звезда над тюремным двором, солдатское ли пение в казармах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.